

Глава 3. Откровения и признания

*«И живут да поживают
Всем запретам вопреки,
И ничуть не унывают
Эти вольные стрелки...»*

– А ведь это Дёртидил меня подставил. Он сдал, что я иллюзионист.

Трикстер сказал это, когда мы вошли в город. Наш побитый переговорщик к тому моменту уже оклемался и был способен не только самостоятельно передвигаться, но и здраво рассуждать.

– Ты лучше подумай, как он узнал это? Кто-то очень любит позёрство и ведёт себя слишком беспечно. Пусть это тебе будет уроком, Великий Трикстер, – я пытался спустить младшего брата с небес на землю. Может, это и было слишком грубо, но ему полезно. Мы за него переживаем, пусть учится на своих ошибках, пока братья рядом.

– И ты собираешься это оставить просто так? – не унимался Трикстер.

А вот это уже другой вопрос. С одной стороны, у меня с Дёртидилом довольно долгая история плодотворных торговых отношений. Мы с ним на короткой ноге, я вправе требовать от этого старика уважения. И то, что он так запросто подставил моего брата, требовало серьёзных выяснений отношений. С другой стороны, мы с Трикстером никогда не афишировали на посторонних наше родство. В этом и была одна из особенностей «дел», которые мы проворачивали. Дёртидил мог не знать. А мог и знать, ведь узнавать чужие секреты это его хлеб.

Но опять же, я не могу просто при случае дружелюбно навеститься к старику и между делом упомянуть, что, мол, Трикстер, тот единорог, он со мной, и его подставлять больше не следует. Боюсь, с учётом местных нравов, подобное поведение даст ему мотивацию поступать с нами совсем наоборот. Если ты не отомстил за своих пони, значит, ты слаб, и тобой можно воспользоваться снова.

Судя по всему, получалось, что доброжелательных отношений у нас с ним в ближайшее время уже никак не получится. А значит, можно хотя бы получить какую-то моральную компенсацию.

Между тем, мы остановились на перекрёстке. Любой пони, кто плохо ориентировался в городе, никогда бы не решился бродить тут ночью. Провалиться в

какой-нибудь разлом или сломать шею в развалинах здесь проще простого. Мы же знали эти места как свои копыта, поэтому тусклого огонька от рога Трикстера нам вполне хватало, чтобы уверенно перемещаться по городу.

Огонёк этого рога, надо сказать, был действительно тусклым, а после сегодняшней трёпки, которую получил его хозяин, ещё и раздражающе мерцал время от времени. Наш единственный единорог в семье никогда не отличался способностью к любым полезным бытовым заклинаниям. Вот наколдовать иллюзорный силуэт либо фальшивый дробовик или прикинуться кучей мусора он мог. А нормально посветить, призвать магический щит, превратить металлолом в настоящие крышки, выпустить атакующий заряд или хотя бы лечить своей магией – это не к нему.

Да он даже телекинезом пользовался менее уверенно, чем своими копытами, а это о единорогах, насколько я знаю, многое говорит. Ну что ж, каждый пони талантлив в чём-то своём, и Трикстер старался использовать свои таланты с максимальной пользой. В конце концов, это его изыскания обещают нам огромную, пусть и крайне иллюзорную прибыль. Можно его и порадовать чем-нибудь, поддержать в кои-то веки.

Так что, когда мы на секунду остановились, задумавшись, в какую сторону свернуть, я сказал Трикстеру:

– А ты, я смотрю, совсем взбодрился уже? Ну, может, ты готов нанести визит Дёртидилу прямо сейчас? Чего откладывать в долгий ящик? Тут же рядом.

Удивлённые глаза младшего брата тускло мерцали в свете от рога. На его лице отобразилось недоверие, переходящее в нерешительность, с комментариями в духе: «Да зачем? А надо ли?». Чуть позже оно всё-таки сменилось молодцеватой решительностью, Трикстер уверенно кивнул мне и добавил:

– Давай, брат, поставим на место этого старика! Он нам должен, и нечего тянуть с тем, чтобы забрать долг.

Я довольно улыбнулся, а Хаммер молча посмотрел на нас и ничего не сказал. Он вообще не говорит лишний раз, когда в этом нет смысла. Ценное качество, не спору, хотя и довольно скучное местами.

Мы свернули в противоположную от нашего дома сторону и направились искать убежище Дёртидила.

– Неудивительно, что он обитает в задрипанном подвале. Хреновый из него теневой посредник с таким подходом к делу! – проворчал Трикстер.

Пони, к которому мы шли, действительно обитал в заброшенном подвале, наподобие нашего. Разве что запрятан он был не так хитро. А охраной служили всего лишь двое пони.

– Ты, похоже, ещё не понял принципов работы Дёртидила, – ответил я.

Как было выше сказано, дела с Дёртидилом раньше вёл я лично, изредка привлекая Хаммера. Так получилось, что Трикстер знал о нём не больше, чем обычные жители этого города. Поэтому я решил запоздало просветить младшего брата:

– Ты ошибаешься, если думаешь, что для карьеры ведущего теневого посредника ему была нужна укреплённая база с толпой хорошо вооруженных охранников. В случае неприятностей Дёртидил поступит очень просто. Пронырливый старик просто сдаст и продаст всех и вся.

На лице младшего брата снова показалось удивление, заметив которое, я продолжил:

– А что ты хотел? Это реалии рейдерских земель. Честь и верность тут ничего никогда не значили. Только страх и сила. Ты думаешь, если доверишь теневому посреднику секрет, пусть даже за деньги, он не растреплет все, стоит ему больше заплатить или подпереть его к стенке? Потом тебе же за еще большую сумму он сдаст тех, кому сдал тебя – и так до бесконечности. Такие дела, братец, под маской серьёзного дельца скрывается мелкий и изворотливый уж. Сожалею, что не просветил тебя об этом раньше.

– Да как же при таком подходе он вообще умудряется продолжать своё дело год за годом? – удивился Трикстер.

Сдавал и кидал Дёртидил, конечно, далеко не всех. Большинство из тех, кому он был известен, знали его как обычного посредника. Но любопытному брату я ответил немного иначе:

– А как мы умудряемся раз в сезон-другой оседать тут и загонять один и тот же левый товар под разными этикетками? – парировал я. – К тому же, думаю, всё-таки не всем удалось узнать его так же хорошо, как мне.

Моё мнение об интеллектуальных способностях и качестве памяти у местных пони Трикстер уже знал, и потому понимающе кивнул.

– Зачем тогда вообще ты вёл с ним дела? – не унимался младший брат.

– Ну, я то успел его изучить, знал, чего ожидать, и старался не подставляться так, чтобы даже если он меня сдаст кому-то, этот кто-то хрен бы меня нашёл.

Да, неудивительно, что Дёртидил без проблем сдал обратившегося к нему за посредничеством Трикстера. Однако само собой разумеющимся для меня было и то, что за это нужно с него спросить как следует. И получить из этого свою выгоду, конечно.

За разговором мы быстро дошли до здания, в подвале которого обитал Дёртидил.

– Кто припёрся? – раздался голос, когда я подошёл к двери. Охранники Дёртидила не спали, ведь для него ночь была основным рабочим временем.

– Это я, Таргет. Всё путём, ребят.

– О, привет! Давно тебя не было! А с тобой кто? Чего как много народу? – проявил любопытство второй.

– Всё нормально. Их всего двое. Несут для меня товар старику на оценку, – ответил я беззаботным голосом, в то же время нагло протискиваясь в чуть приоткрытую дверь и приглашая братьев следовать за мной.

Трикстер накинул на себя свой поношенный синий плащ с капюшоном, дабы раньше времени в нём не признали посетителя, бывшего тут несколько часов назад.

Мы вошли в освещённый вестибюль подвального помещения. Покосившись на мою винтовку и пулемёты Хаммера, охранники немного подобрались и даже машинально взвели свои пушки, но ничего не сказали и лишь показали взглядом на путь к кабинету. Вот так всё просто, меня тут давно знали в лицо, и нам ничто не помешало пройти через короткий коридор прямо к кабинету Дёртидила.

Своё место обитания этот пронырливый пони обставил очень представительно. Стены кабинета были завешены гобеленами темно-бордового цвета, на котором так удачно не замечаются следы засохшей крови. Вдоль одной стены стоял большой книжный шкаф, заставленный всевозможными книгами. Рядом с ним находился хоть и потёртый, но вполне целый диван. На противоположной стене даже была развешана небольшая коллекция оружия: несколько винтовок, пистолетов, ножей.

На самом деле, такое убранство не было проявлением какого-либо шика. Это всё являлось побочным продуктом деятельности хозяина кабинета. Различные нереализованные им товары. То, что ему не удалось загнать, а хозяин товара не дожил до того, чтобы забрать своё. Насколько я знал, большая часть оружия на стене, хоть и

отполирована, но не рабочая. Эти пушки и ножи были полнейшим хламом. Так же как и книги в шкафу, которые по большей части годились только на растопку.

Таким декором хозяин умудрился создать довольно представительную обстановку, производящую впечатление на его неприхотливых клиентов.

Завершали интерьер массивный металлический стол, стоявший у противоположной от входа стены и, собственно, хозяин кабинета, сидевший за ним. Дёртидил, крупный единорог ржавого окраса и с грязно-серой гривой, оторвал заспанную физиономию от стола и, проморгавшись, уставился на меня.

– Таргет, мой друг! Какими судьбами ты посетил мою скромную обитель? Снова разжился товаром, с реализацией которого справится только старина Дёртидил?

– Да нет, старик, у меня к тебе вопросы совсем другого толка, – я подошел ближе к столу и, встав сбоку, указал копытом на Трикстера. – Хочу познакомить тебя с моим младшим братом.

– О, я уже знаком с Хаммером, он достойный молодой пони с полезными для нашего дела талантами, – хозяин кабинета, игнорируя моё копыто, уставился на среднего брата.

– Представь себе, у меня есть ещё один младший брат, его зовут Трикстер и, насколько я знаю, у вас с ним были определённые дела сегодня вечером?

Теперь Дёртидил задумчиво разглядывал снявшего капюшон Трикстера:

– Да, кажется, я сегодня организовал этому молодому пони крайне выгодную сделку. Удачно ли она прошла?

– Она могла бы пройти удачно, – угрожающе процедил я, – если бы ты не нагнал им про Трикстера лишнего, после чего они изначально не были настроены к нему всерьёз!

Глаза Дёртидила нервно забегали, как только он понял, что к нему пришли с предьявой, а не с предложением.

– Ну, Таргет, похоже это просто какое-то недопонимание. Я же не могу отвечать за поведение всех клиентов, в конце концов.

Несмотря на слащаво миролюбивый голос, Дёртидил уже тянулся к кнопке под столом, соединенной со звонком в вестибюле. К сожалению старого пройдохи, я был прекрасно знаком с его методикой ведения переговоров. Ещё до того, как копыто успело коснуться кнопки, я навалился на него сверху, зафиксировал передние ноги и придавил лицом к столу, поставив в ту же позу, в которой он встретил нас в кабинете. Краем глаза я заметил, как Хаммер молча и деловито снял зубами одну из декоративных винтовок со

стены и впихнул ствол в широкую ручку двери, заблокировав таким образом вход удалым молодцам из соседнего помещения.

Трикстер в процессе всего этого лишь нерешительно стоял посередине кабинета, переминаясь с копыта на копыто. Возможно, у него бы и совсем пропал задор разбираться с подставившим его посредником, но внезапно отдавшаяся в одной ноге боль напомнила ему о недавнем избиении. Решительно подойдя к столу, он уставился на Дёртидила и сказал:

– Ты действительно подставил меня, старик! Дал лживую информацию обо мне, из-за чего продавцы изначально не собирались воспринимать меня всерьёз!

Хозяин кабинета дёрнулся под моим копытом, тщетно попытавшись вырваться, и прокряхтел:

– Я говорю лишь то, что и так известно на улицах. Молодой пони ходит по улицам, продаёт разный товар. Покупатели потом обнаруживают у себя совсем не то, что купили. Как я могу не предупредить их об этом? Разве моя вина, что молодой пони так светит лицом при своем образе жизни?

Заявления о подобной неосмотрительности сильно задели Трикстера. Хотя они и имели основание, он всё равно продолжил перепалку:

– Я не настолько светил лицом, чтобы все пони судачили обо мне. Ты же, наверняка, лишь сопоставил разные слухи и спроецировал на меня их содержание, без всяких доказательств! Решил просто срубить лишних крышек и всучил левое описание, чтобы оправдать цену за информацию!

Ха! Вот тут младший братец наверняка попал в точку. Так и вижу, как Дёртидил говорил тем продавцам своим навязчиво вкрадчивым голосом что-нибудь вроде: «Я, конечно, вижу этого пони впервые в жизни, но на улицах ходят истории о молодом единороге невнятного серого окраса, который продает пони одни вещи, а в сумках у себя они потом находят другие. Не уверен, насколько ваш покупатель похож на него, но тот парень явно мастер запудрить мозги и замылить глаза».

Судя по молчанию и попытке недоуменно пожать плечами, старик действительно ткнул копытом в небо. Трикстеру в любом случае нужно уже закругляться с тем, чтобы светиться в этом городе. Пустошь явно даёт ему знаки о том, что пора заканчивать и не отвешивать. Он и сам это понял и так же задумчиво замолчал. Но меня больше интересовало, что старик может предложить ради того, чтобы отвязаться от нас. Так что, легко ткнув его голову копытом, я обратил внимание на себя:

– Давай, Дёртидил, ты в любом случае подставил нас, и мы ждём компенсации.

Поняв, что мы пришли не вымещать на нём злобу, старый пони расслабился и спокойно заговорил:

– Ой, Таргет, ты бы так и сказал сразу! Если вам интересно что-то конкретное, спрашивай уже.

Расслабившись, он попытался высвободиться из моего захвата, но я пока не собирался его отпускать. Вместо этого я наклонился к нему и четко проговорил:

– Наёмники, обосновавшиеся в «Чумном яо-гае». Их наниматель единорог.

Поморщив физиономию, Дёртидил выдал:

– Нанимателя зовут Лайтбрейкер. Пришёл издалека откуда-то с севера, притащил с собой этот отряд наёмников. Они называют себя «Синие светила», никогда не слышал о таких. Но бойцы, похоже, бывалые, шороха в городе навели. Ищут свой пропавший отряд, только здесь его никто не видел. Говорят, этот Лайтбрейкер Стонснауту отвалил круглую сумму, дабы заручиться помощью его пони. Ха, вот наверное, сейчас пожалел об этом! – голос старика сорвался на смех, больше похожий на сухой кашель.

Я, лично, совершенно не представлял, что могло его так рассмешить. Слово Стонснаута никогда не расходилось с делом, на том он и держал этот город своим твердым копытом. Просмеявшись, старик продолжил уже безо всяких витиеватостей:

– А что, ты надеешься как-то примазаться к этим наёмникам? Думаешь, они смогут решить твои проблемы? Вряд ли у тебя хватит крышек их заинтересовать. Твой единственный шанс, это свалить из города как можно скорее, пока ребята Бладрейджа тебя не нашли.

– Моя единственная проблема, старик, это твой поганый рот, который не говорит ничего полезного! Наши дела с наёмниками тебя не касаются, и даже не пытайся угрожать мне тут какими-то Бладрейджами! Как будто я не в курсе, что за тебя во всём Трейд-Руине не впишется даже заплесневелый радтаракан, – мне показалось, что Дёртидил начал болтать совсем не о том, и я с трудом сдержался, чтобы не приложить его сильнее мордой о стол.

И тут же мне пришлось пожалеть, что этого не сделал. Старик снова «закашлялся» смехом. На этот раз долго и с переливами, его сильно трясло и качало, всё его тело пробирало этим дерганным хриплым смехом. Мне надоело удерживать его трясущуюся тушу, я отошёл от стола, с любопытством наблюдая, когда же пройдёт его приступ.

Лишь через пару минут хозяин кабинета успокоился достаточно, чтобы членораздельно разговаривать. Он выпрямился на своем сидении и окинул нас троих мутным взглядом:

– Ты серьёзно... кха-ха... серьёзно щас сказал, что не знаешь про Бладрейджа и зачем он тебя ищет... кха-ха-ха! – речь старика всё ещё прерывалась неконтролируемым смехом.

Я лишь с удивлением посмотрел на него:

– Да с какой стати я вообще должен знать, о каком-то левом придурке, про которого ты мне толкуешь?

Дёртидил в ответ на это лишь залился новым приступом смехо-кашля.

В конце концов, он всё-таки успокоился и смог говорить внятно:

– О, мне кажется, у меня есть информация, которая покажется тебе действительно стоящей, Таргет. Такая, за которую ты будешь мне очень благодарен, – Дёртидил окинул нас троих вопросительным взглядом. – Нет, что, серьёзно, никто из вашей вертлявой семейки не знает, кто такой Бладрейдж?

Мы с братьями переглянулись и лишь недоуменно пожали плечами. Старик довольно заулыбался. Я переживал, что у него вновь начнётся приступ, но в этот раз он сдержался и продолжил:

– Тогда у меня такое условие. Я просвещу вас, но сначала расскажите мне, где же вы, тормоза, пропадали последние два дня? Мне интересно, как вы не слышали ни разу имени пони, которое теперь на слуху не только у Трейд-Руина, но и у всего Хорна? Давайте, поведайте папочке Дёртидилу, где вы, ребятки, ныкались всё это время, и каким таким порошком упарывались, что пропустили самое эпичное веселье за последние годы?

Я всё также недоумённо крутил головой, пытаюсь уловить, о чём же таком он толкует. По выражениям лиц братьев я понял, что они тоже с трудом понимают, про что разговор. Наши вопросительные физиономии, обращённые друг к другу, говорили, что никто из нас не в курсе о том, чем занимались другие.

По большому счёту, Дёртидила не касается, чем мы промышляем. Не тот это пони, которого стоит посвящать в свои дела. Но то, что мы пропустили что-то важное, заставило нас всех задуматься.

Первым открыл рот Хаммер:

– Последние три дня я провёл за экспериментами, – сказал он, не став вдаваться в подробности.

Дёртидил знал далеко не всё о талантах моего брата. Его настоящей страстью были различные взрывные смеси. И сами взрывы тут были не на первом месте. Хаммеру гораздо интереснее готовить бомбы с самыми неожиданными эффектами. «Да, это очень

похоже на него, — подумал я. — Если у брата хватает припасов и основная работа по разбавлению палёных зелий им сделана, он может целыми днями отдаваться своему «взрывному» увлечению и экспериментировать с новыми составами».

Следующим заговорил Трикстер:

— Ну, я вообще-то почти два дня безвылазно тусовался в «Чумном яо-гае». Выискивал различную информацию об этих наёмниках. Они обсуждали в основном планы поиска пропавшего отряда, а не дела местных пони в городе. Только вот сегодня с утра проследил за некоторыми из них до рынка.

С этим понятно, «тусовался» он, скорее всего, на втором этаже, где эти наёмники обосновались. Большую часть времени Трикстер наверняка изображал кучу хлама, валяющуюся в углу, думая лишь о том, как бы себя не выдать. И новости из города, которые могли обсуждать посетители на первом этаже, он мог не услышать. Трикстер был способен на такое. Наш маленький вуайерист, если увлекался чем-то, мог отдаваться наблюдению днями напролёт, при этом выпуская из виду всё остальное. Довольно противоречивое качество для пони, который не может и пары часов усидеть неподвижно в четырёх стенах в одиночестве.

Нас с Хаммером это не удивило, и мы лишь понимающе ему кивнули. Дёртидил же задумчиво крикнул и с любопытством всмотрелся в молодого единорога. Видимо, он так и не понял, какими именно навыками наблюдения обладает мой брат. Оно и к лучшему, этот старый пони и так уже напридумывал про Трикстера много лишнего.

После этих невнятных откровений все взгляды в комнате уставились на меня. Я решил последовать братьям и не углубляться в детали. Неуверенно пожав плечами, я произнёс:

— Ну, предыдущие два дня я провёл в обществе одного... приятного знакомого. У меня как бы не было времени ни на что ещё.

«...Кроме исследования её мягкого крупа и уютной постели! Она вообще вся такая приятная и тёплая. И хорошо готовит. В общем, я как-то ни капли не жалею, что всё это время провёл в её, кхм, жилище», — мысленно продолжил я, окунаясь в поток воспоминаний.

Трикстер заметил мой отрешённый мечтательный взгляд и тихо хихикнул. Слава Пустоши, он сдержался и не стал отпускать своих тупых комментариев, в духе: «Да, в этом весь Таргет, была бы жрачка и податливая кобылка — и ему больше ничего от жизни не надо будет». Благо, мне тоже было, что о нём рассказать. Но все мы знаем, что семья — это главное, и негоже выносить сор на глазах у торговцев информацией с сомнительной репутацией.

Дёртидил выжидающе смотрел на нас немигающим взглядом, как бы ожидая ещё разъяснений. Поняв, что подробностей больше не будет, он глубоко вздохнул и с трудом подавил очередной приступ смехо-кашля. Издав всё-таки один едкий смешок, он заговорил:

– Ох, это просто прелестно! Абсолютно безбашенная семейка! Полгорода трясёт уже двое суток, орда рейдеров охотится за вами целый день, а вы развлекаетесь, наплевав на всё!

Мы резко замолчали. Вот это, про орду рейдеров, повергло нас в ступор. Все вместе мы в ожидании смотрели на Дёртидила, и он, в конце концов, заговорил:

– Кажется, Таргет, у меня есть такая информация, которая покроет все твои претензии. Тебе очень повезло, что ты зашёл ко мне. Хотя бы узнаешь, за что тебе отрежут голову, до того, как это случится, – я недовольно поморщился от таких угроз.

Старик начал рассказ, в обычной своей манере, многое приукрашивая, нагнетая и запутывая. Если не обращать внимания на подобные стилистические дополнения, из его истории мы узнали следующее.

Неудивительно, что многие не слышали раньше имени Бладрейджа. Ещё год назад он был рядовым рейдером, ничем не выделяющимся среди сотен других. Время от времени пытался прибиться то к одной, то к другой банде, промышляющей мелкими набегами. Постоянно вступал в стычки с другими рейдерами ради того, чтобы заработать авторитет, и стабильно получал на орехи. Очередной ничем не примечательный неудачник.

Но год назад всё изменилось. Вместо того, чтобы искать места в других бандах, он начал создавать свою. И сторонников он получал не подкупом, авторитетом или обещаниями призрачных благ, а угрозами и кровавыми расправами над теми, кто его не признавал. Откуда-то в нём появилась действительно кровавая ярость.

Пони, который раньше не мог выстоять один на один против самого посредственного бойца, теперь в кровавом угаре был способен раскидать целую группу прожжённых рейдеров, буквально разгрызая их на куски. Он не стал сильнее или крупнее, но, по свидетельствам очевидцев, что-то заставляло его сражаться так яростно, как будто он не чувствовал боли, как будто не имел никаких ограничений в бою, кроме всепоглощающего желания разорвать врагов. Он стал не диким псом, как многие в этой местности, а настоящим хищником, воплощающим ярость и бешенство. Да что там говорить, этот ублюдок стрелял из дробовика, держа его во рту, как будто у него зубы железные, а когда заканчивались патроны, он начинал кромсать противников этими зубами.

Столь настойчивый и убедительный в своей ярости пони быстро завоевал авторитет и сплотил вокруг себя группу единомышленников, полностью проникшихся его настроением.

Они назвались «Кровавые ублюдки» и довольно быстро выбрали себе место под тусклым солнцем, освещающим рейдерскую вольницу.

Но Бладрейдж не собирался останавливаться и при каждой возможности направлял свою банду против других мелких групп рейдеров – частично уничтожая, частично присоединяя их к себе. Действительно крупные банды слишком поздно начали воспринимать его всерьёз. Когда «Кровавые ублюдки» стали пробиваться в высшую лигу, их уже нельзя было остановить силами одной банды. Бладрейдж не вёл переговоров, не выяснял отношений, не делил территорию и сферы влияния. Он просто приходил и забирал всё, что ему нужно, разом набрасываясь со своей бандой и уничтожая всех, кто мог ему помешать.

В Хорне было пять наиболее крупных группировок. Члены наименьшей из них просто растворились в «Кровавых ублюдках» после того, как треть их числа была убита. У следующих двух, более сильных, может, и был бы шанс против Бладрейджа, если бы они объединились друг с другом. Но тот напал на них раньше, чем подобная мысль пришла в недалёкие головы их главарей. За своей бесполезностью эти головы украсили пики, а «Кровавые ублюдки» стали третьей по численности и мощи силой в Хорне.

Почувствовав свою силу, банда начала оккупировать самые жирные торговые пути, буквально с мясом вырывая кусок с хлебом у всех, кто с этого кормился.

Да что там! Они даже умудрились вступать в стычки с отрядами Стальных Рейнджеров, выискивающих что-то на окраине Хорна. Конечно, тем не было дела до бандитских разборок. И, само собой, вряд ли банда бешенных рейдеров представляла угрозу солдатам в стальной броне. Но сам факт того, что «Кровавые ублюдки» чувствовали себя настолько уверенными или бесбашенными, чтобы вступать в стычки с самыми опасными бойцами на Пустоши, говорил о многом.

Мало кому удаётся объединить под своим началом такое количество хаотичных отморожков. Очень давно уже в рейдерских землях не спланивались настолько кровавадные ублюдки в таком количестве. Обычно они слишком разрознены, чтобы представлять угрозу пони, для которых насилие – это лишь бизнес и средство выживания. Их число регулируется естественными процессами.

Бладрейдж не управляет отрядом, он лишь даёт ему шанс выжить и единственный способ для этого – убивать других...

На этом моменте истории я не сдержался:

– Ой, да хорош уже затирать нам страшные истории, – Дёртидила, судя по всему, уже занесло, и он был готов ещё долго вещать об ужасах Пустоши. Я был рад его прервать. – Непонятно, при чём тут мы? Ну да, все краем уха слышали, что в Хорне появилась новая крупная и кровавадная банда. И что с того? Это же рай для отморожков, у

них там постоянно что-то такое происходит. К счастью, мы-то обитаем тут. Пока Стонснаут держит это место, и этим отморозкам нужны торговля и ресурсы, до тех пор Трейд-Руин в стороне от всех разборок.

– Стонснаут уже не держит ничего, глупый ты жеребёнок, даже собственную голову! – Дёртидил больше не порывался засмеяться, похоже недавние события на самом деле ни капли его не радовали, несмотря на всю забавность нашей наивной неосведомлённости:

– А кто, по-твоему, оставался главарём второй по величине банды Хорна? Ты-таки всё правильно сказал, рейдерам нужна торговля и ресурсы, какими бы отморозками они не были. А за последние месяцы активность «Кровавых ублюдков» так возросла, что всё меньше и меньше караванов отваживались на походы в окрестностях этих земель. Там, где раньше обычные торговцы могли просто откупиться крышками и частью товаров, теперь их просто потрошат. Дела Стонснаута мешала активность Бладрейджа. Банде Бладрейджа требовались ресурсы и влияние Стонснаута. Это было лишь вопросом времени, когда они столкнутся лбами!

Старик перевёл дыхание и продолжил:

– Хех, но времени-то как раз и не хватило. Два дня назад ночью толпа рейдеров Бладрейджа напала на резиденцию Стонснаута. Говорят, он даже проснуться не успел, когда ему отрубили голову. И всё! Вы, сопляки, может ещё не заметили, но после этого стабильность в Трейд-Руине закончилась. Если в первый день ещё никто не мог понять, что происходит, то сегодня конфликт докатился до каждого. Уже двое суток продолжаются перестрелки. Вы, вообще, слышали выстрелы по всему городу? Кровавые ублюдки добивают остатки сил Стонснаута. Бладрейдж уверенно подминает под себя всех торговцев и поставщиков в Трейд-Руине. А вы приходите ко мне и заявляете, что даже не слышали кто он такой! – Дёртидил в сердцах топнул копытами по столу.

Глаза старика были широко раскрыты, и всё выражение его лица выдавало крайнюю степень напряжения:

– На самом деле, не вы одни такие тормоза. Многие пони в этом городе ещё не поняли, что их ждёт. Они думают, что это просто смена власти и отразится на них максимум повторной пошлиной за текущий месяц. Ха, Бладрейджу не нужна стабильность. Сомневаюсь, что он будет соблюдать правила, заботиться о будущем и репутации города. Но я точно уверен, что он будет убивать.

Под конец своей речи Дёртидил говорил уже чуть ли не навзрыд. Видимо, хаос, пришедший этот город, не сулил ему никаких деловых перспектив, а подниматься с насиженного места старику сильно не хотелось. Ну, нам-то не привыкать. Это же

рейдерская пустошь. Надеяться на стабильность здесь – это самое глупое, что может прийти в голову пони.

Теперь мне стала понятна усмешка Дёртидила по поводу крышек, которые заплатили наёмники из «Яо-гая» местному боссу за сотрудничество. Ведь этого босса обезглавили той же ночью. Кто бы мог подумать, непоколебимого Стонснаута просто завалили сумасшедшие рейдеры. Уж от него-то я ожидал более обстоятельного подхода к безопасности собственного жилища. Похоже, стабильность заставила размякнуть даже его. Ещё один повод не переживать, что придётся сниматься с насиженного места раньше срока. А в этом сомневаться уже не приходилось. После описанного стариком, я прекрасно понял, что нам в городе больше делать нечего.

Я был уверен, братья думают примерно в том же направлении. Мои мысли прервал комментарий Трикстера:

– Ты хочешь сказать, что эти «Кровавые ублюдки» сейчас самая серьёзная сила в Хорне и никто не поставит их на место?

Старый пони поморщился от раздумий:

– Осталась ещё банда Стронгхолда. Она и так была самая многочисленная изначально, а сейчас к нему примкнули все пони в Хорне, которым от жизни нужно что-то большее, чем накидаться дэшем и перегрызть кому-нибудь глотку. Их гораздо больше, чем «Кровавых ублюдков», но реальных бойцов у них может быть от силы треть от общего числа. Стронгхолд пока держит оборону, позволив Бладрейджу распотрошить Трейд-Руин. Наверное, он надеется, что они как-то уживутся с ним или, по крайней мере, их число обеспечит им защищенность. Что ж, могу только надеяться на это.

Трикстер задумчиво покачал головой, а через мгновение заговорил вновь:

– Кстати, я вспомнил про выстрелы, которые мы слышали сегодня днём в городе. Обстановка тут действительно продолжает накаляться... Подумать только, ещё с утра я был на рынке и всё выглядело спокойно. Правда, охранники Стонснаута казались какими-то напряжёнными.

– Ага, им было, от чего напрягаться. Со второй половины дня на рынке уже идут непрерывные перестрелки. И вряд ли парни Стонснаута долго продержатся, – прокрихтел Дёртидил.

Молча кивнув им, я задумался. Как только выйдем отсюда, обсудим с братьями наши планы. Уверен, «паковать вещи и валить как можно скорее куда глаза глядят» будет в самом начале списка.

Я уже собирался попрощаться с Дёртидилом, как понял, что один вопрос остался невыясненным:

– Ты ещё сказал, что рейдеры Бладрейджа ищут именно меня. Каким боком я-то с ними пересекаюсь?

Старик снова усмехнулся. Похоже, эта тема его действительно веселила, несмотря на мрачную подоплёку:

– За такое мне точно надо было бы взять с тебя крышки, Таргет Грин. Ну да ладно, считай это моим прощальным тебе подарком. Так вот, в отличие от вас, тормозов, почти все пони в этом городе уже знают, кто такой Бладрейдж. Некоторые даже слышали его историю. Но реальную причину его преображения из мелкого заморыша в кровожадного отморозка знают немногие. А понимают и того меньше. Но я, Дёртидил, пока ещё держу копыто на пульсе всей рейдерской вольницы.

Старик не удержался и демонстративно похлопал себя копытом в грудь.

– Как я уже говорил, примерно год назад Бладрейдж изо всех сил пытался поднять свой авторитет среди рейдеров. И единственный способ, который пришёл ему в голову – это ввязываться в драки с заведомо более сильными и опасными противниками. Подобные бои ради авторитета очень популярны в Хорне и собирают массу зрителей. Иногда они проходят спонтанно и ничем не отличаются от рядовой драки, а иногда – на своеобразной арене, на потеху толпе. Обычно он поступал так: добывал любыми путями запас мощных лечебных зелий и стимулирующей боевой наркоты, а после этого провоцировал какого-нибудь опасного пони. После того, как он огребал от своего противника, Бладрейдж уползал зализывать раны. И так до следующего случая, когда ему удавалось разжиться приличными зельями. Наверное, для его скудного ума это казалось чем-то вроде стратегии, но я бы назвал подобное поведение мазохизмом.

Мы дружно хмыкнули в ответ на последний комментарий, а Дёртидил продолжил:

– И как-то раз, чуть менее года назад, этот неудачник наткнулся на одного ушлого торговца. Тот впарил ему по завышенной цене приличное количество «особых» лечебных зелий, убедив при этом, что они в четыре раза мощнее обычных и чуть ли не на ободранном скелете плоть регенерируют. Наверняка, Бладрейдж потратил на них все свои сбережения. Он закинулся всей наркотой, которая у него была, и собрался идти ва-банк, решив, что если не будет бояться за свою безопасность, сможет драться до конца.

Тут рассказчик подмигнул мне.

– Однако тот пони, на которого он залупался в этот раз, даже и не попытался устроить честную драку. Насколько я слышал, он сразу выстрелил в него из дробовика, превратив в кровавое месиво ему половину лица и весь бок. А потом долго не отпускал и

измывался над ним. Причем не только просто переломал ему кости, а ещё и вспорол живот ножом и топтал его вывалившиеся кишки. В принципе, нормальная история для Хорна. Противник не добил Бладрейджа и бросил подыхать. Какой-то обдолбыш, с которым скорешился этот боец-неудачник, всё-таки донёс ему припасённые зелья, и полудохлый Бладрейдж выхлебал их все. Вот только оказались они совсем не усиленными, а наоборот, крайне разбавленной бодягой с замедленным эффектом. Благодаря им этот пони не умер, но восстанавливался очень долго и мучительно.

На этом эпизоде истории мне пришлось инстинктивно сглотнуть. Я стоял, не шевелился и пристально смотрел на Дёртидила, стараясь не поворачивать взгляд на братьев. И мне почему-то казалось, что они делают то же самое. А старик продолжал:

– Через пару недель Бладрейдж снова нашёл своего обидчика. Тот его даже не узнал. Казалось, это был уже совсем другой пони, ободранный, с такими уродливыми шрамами и бешеным взглядом. Да у него и не было особого шанса узнать. В этот раз Бладрейдж не провоцировал обидчика, а просто набросился и вцепился в глотку. Он грыз его и кромсал, пока тот не затих. А потом выхватил у него дробовик прямо зубами и разрядил в лицо уже труп. Говорят, он носит тот дробовик до сих пор.

Голос Дёртидила больше не звучал с той наигранной мрачностью, какая была в нём в начале его рассказа. Теперь в нём слышались действительно угнетающие металлические нотки:

– А ещё говорят, то, насколько ужасны его шрамы снаружи, ни в какое сравнение не идёт с тем, насколько они ужасны внутри. От этого у него агония, которую он испытывает постоянно. Ему регулярно приходится употреблять различные наркотики. Но это почти не ослабляет боль. Именно она сделала его тем, кем он является сейчас – абсолютно отмороженным кровожадным ублюдком. Можно назвать это иронией Пустоши, ведь теперь он, в конце концов, получил те власть и авторитет, о которых мечтал. Только вот, насколько я слышал, Бладрейдж не понимает иронии. А ещё он до сих пор мечтает найти и отомстить тому торговцу, который продал ему фальшивые зелья.

Замолчав и переведя дух, Дёртидил окинул взглядом и ухмыльнулся, довольный произведённым эффектом. Я так и стоял, пристально вперив в него взгляд. У меня не было желания говорить что-либо. Всё, что я хотел, это свалить как можно скорее из этого места, из этого города, из этой части Пустоши. Но старик ещё не закончил, самое подлое он припас напоследок:

– И эта мечта, разделаться с тем торговцем, так бы и оставалась для Бладрейджа несбыточной. Но буквально сегодня днём один его дружок похвалился, что купил крутых усиленных лечебных зелий у какого-то бойкого зеленошкурого пони. Говорят, новоиспеченного хозяина Трейд-Руина очень заинтересовали эти зелья. Настолько, что он сам лично хорошенько покромсал одного из пленных бойцов Стонснаута, а потом лил на

него эти зелья. И эффект от них оказался не таким уж и заметным, чтобы облегчить страдания того бойца.

Дёртидил вздохнул и спокойным тоном продолжил:

– Первым делом они разгромили лавку торговца, в которой были куплены зелья. Бедняге совсем не повезло, его долго пытали, но так и не смогли выяснить, где найти пони, продавшего их. Зато с вечера уже вся банда Кровавых ублюдков прочёсывает этот город в поисках земнопони со шкурой зелёного оттенка, соломенной гривой и кьютимаркой в виде красного перекрестия оптического прицела.

Тут Дёртидил уже не сдержался и расхохотался:

– Представь же моё удивление, когда я только недавно узнал об этой милейшей истории с поисками! Аха-ха-ха! И вскоре ты сам вваливаешься ко мне живой, невредимый и рассказываешь, что весь вечер крутишь какие-то свои дела в городе, в то время как твой круп ищет толпа самых кровожадных отморожков всего Хорна.

Я стоял и всё так же смотрел в пустоту. Почему-то мне не хотелось ничего говорить. Трикстер же наоборот очень сильно разнервничался от этой истории и порывался высказать что-нибудь в духе: «Так получается, это наше зелье сделало его таким?», – или: «Значит, именно Таргета сейчас ищут по всему городу?». Но раз за разом он обрывал свою речь на невнятных междометиях, так ничего, по сути, и не сказав. Такой сообразительный и уверенный в себе младший брат, если его выбить из колеи просто впадал в прострацию и подчас проявлял чудеса тугодумия.

Зато нашлось что сказать Хаммеру. Он подошёл чуть ближе к Дёртидилу и произнёс:

– Это всё, что нам нужно знать, старик? Какая-то ещё информация по этому вопросу будет?

Хозяин кабинета расплылся в наигранной улыбке:

– Это всё, Хаммер. Хотя я не удивлюсь, если Бладрейджу уже известны имена и того продавца зелий, и, как минимум, одного его брата.

Мне не хотелось думать, имеет ли Дёртидил какое-либо отношение к тому, что уже знает этот Бладрейдж. В любом случае, старый пони сообщил достаточно и больше ничего не был нам должен. Хаммер считал также и потому сказал:

– Тогда нам нет смысла здесь задерживаться.

После чего он направился к двери и, выбив копытом им же вставленную винтовку, проследовал к выходу. Трикстер прошёл за ним. Когда я выходил из кабинета, Дёртидил крикнул мне напоследок:

– Таргет, если тебе повезёт, то твоя голова уже утром будет возвышаться рядом с головой Стонснаута! Подумай только, соседство с таким серьёзным пони, о похожей карьере ты не смел и мечтать! – и он снова залился своим смехокашлем.

Уже выйдя на улицу, я понял, что насчет «если повезёт» он не шутил. Если не повезёт, нас ждёт гораздо более печальная судьба. Вдохнув свежего ночного воздуха, я потряс головой. Пока что она при мне, и нечего впадать в протрацию. Пустошь, даже если она и не благоволит к тебе удачей, всегда даёт шанс пони самому решать свою судьбу.

Позитивному настрою решил последовать и Трикстер. Он уже отошёл от волнения и с наигранной веселостью спросил:

– Ну что, Таргет, каково тебе ощущать себя ответственным за создание самого ужасного мясника на Пустоши?

Я ответил ему в такой же ироничной манере:

– Знаешь, Трикстер, э-э-э, я стараюсь не относиться к поворотам судьбы фаталистично. По-моему, судьба пони определяется его поступками в настоящем, а не наследием прошлого. С другой стороны, если всё-таки задуматься о фатализме, получается, самым удачным, что с нами произошло за последнее время, был факт твоего избиения. Подумай только, если бы тебе не начистили морду, ты бы ни за что не захотел переться к Дёртидилу! А тогда бы завтра у нас могло уже не оказаться шансов выбраться из города живыми.

Немного озадаченный младший брат ответил лишь коротким смешком. Я всё-таки прочёл в детстве несколько книг, и был достаточно образован, чтобы подколоть брата не только грубым словом.

А после мы принялись обсуждать наши дальнейшие планы. Первым желанием у всех было собрать все манатки и бежать из города. Но потом Трикстер вспомнил про прибор, который мы хотели загнать наёмникам и их нанимателю, Лайтбрейкеру. Лично я очень сомневался, что за эту штуковину кто-то заплатит столько крышек. Но и упускать шанс совсем не хотелось.

Был соблазн броситься и наведаться в «Чумной яо-гай», и лишь потом пойти домой собирать вещи. Однако вскоре мы отбросили этот план. Наше убежище было хорошо запрятано в руинах, но уж больно далеко находилось от выхода из города. Чтобы выбраться на нормальную дорогу из Трейд-Руина, нам всё равно пришлось бы пройти

половину города. А бар, напротив, находился недалеко от выхода из города, и после него переться опять в руины очень не хотелось.

Хаммер предложил, чтобы он в одиночку отправился за припасами, а потом встретил бы нас в баре. Немного обсудив этот вариант, мы решили, что разделяться в такой ситуации нам не стоит ни в коем случае. Да и неизвестно, что и кто нас будет ждать в баре. В конце концов, было решено быстро выдвигаться в наше убежище, а потом уже со всеми припасами заглянуть к наёмникам в Яо-гай.

Добрались до нашего дома мы быстро и совершенно без происшествий. На всякий случай, Трикстер больше не зажигал свой рог, поэтому мы двигались в полнейшей темноте, благо, дорога была всем знакома. Когда мы вошли в подвал, сразу же принялись собираться. То, что мы уже были экипированы для ночной вылазки, помогло сэкономить время. Оставалось только собрать всё самое ценное, что у нас тут хранилось, а также различные припасы. Еда и питьё, в основном состоявшие из тех же сухарей и настойки Хаммера, да ещё всякие древние полуфабрикаты. Медикаменты. Не разбавленные, конечно. Мы выгребли всё, что успели найти и поровну разделили друг с другом.

Мы с Хаммером набрали как можно больше патронов нужного нам типа. Трусишка-пацифист Трикстер себя подобными сложностями не обременял. Он использовал лишь специальные шумовые патроны, сделанные Хаммером, для демонстрации своих иллюзий. Коробка же с настоящим двенадцатым калибром, которую я когда-то давно, буквально насильно, впихнул ему, скорее всего так и валялась бесхозно на самом дне его сумки.

Я так же экипировал на своё седло ещё одно оружие – короткий пистолет-пулемёт. Ничего особенного, и точно не сравнится с моей основной самозарядной винтовкой, стреляющей мощными снайперскими патронами. Но что-то мне подсказывало, лишняя огневая мощь нам не помешает.

В мои сумки убралось ещё несколько вещей, которые можно было продать за крышки при случае. Самым объемным из этого оказались два комплекта серо-синей боевой брони, которыми мы разжились сегодня на пустыре за городом. Она оказалась довольно качественной и дорогостоящей. Примерять и подгонять её под себя времени не было. Может, займёмся этим позже или просто продадим её. Моя старая лёгкая броня меня вполне устраивала. Уникальную черно-синюю винтовку я тоже упаковал, надеюсь, всё же удастся раздобыть к ней патронов и опробовать её в деле.

Собираясь, я окинул взглядом мешок с крышками, полученными за зелья ещё этим днём. А потом покосился на угрюмо собирающихся братьев. Да уж, не особо удачная сделка получилась. Похоже, это будут самые рискованные крышки в моей жизни. Задумчиво качая в копыте мешок, я так и не смог вспомнить лица торговца, которому продал те зелья. Для него эта сделка точно оказалась неудачной. Мне даже как-то стыдно перед ним стало. Живёшь ты так, торгуешь, чувствуешь себя более-менее уверенно и защищённо. А потом совершаешь одну неудачную сделку, и к тебе в гости приходят рейдеры-мясники. Хотя... это Пустошь, такое тут случается сплошь и рядом.

Покачивая головой, я прогнал мысли о том торговце. Надо о своём крупе сейчас думать. Чьё лицо я помнил хорошо, так это того синешкурого дергуна, которому я продал первые зелья. Вот же подлая тварь, взял и сдал меня сумасшедшему главарю рейдеров-отморозков. Хотел бы я его ещё встретить, чтобы расквитаться как следует. С этими мыслями я кинул мешок с крышками в свою сумку и продолжил собираться.

Дольше всех собирался Хаммер. Он брал с собой большой запас различных гранат и смесей собственного изготовления, а также кучу инструментов и снаряжения из лаборатории.

– Эй, ты ведь знаешь, что не сможешь на своей спине утащить всю свою лабораторию? – окликнул я его, оторвавшись от собственных сумок.

Средний брат, копошащийся среди различного хлама, лишь недовольно что-то промычал. Не дождавшись внятного ответа, я снова к нему обратился:

– Вообще-то нам нужно выдвигаться налегке, чтобы оперативно свалить как можно дальше от этого места. Мы недалеко уйдём, если будем тащить с собой гору мусора.

Тут уже он оторвался от своих вещей и резко посмотрел на меня:

– Да, я прекрасно понимаю, что не смогу утащить с собой все свои вещи. Но из всех сил стараюсь забрать как можно больше полезного. И да, мне на это нужно чуточку больше времени. Но ты прекрасно знаешь, что свои вещи я тащу сам, и никого не обременяю своей запасливостью. И как-то у меня обычно хватает сил не сбавлять темп даже в долгом пути, – ноздри Хаммера недовольно вздувались, и чем больше он говорил, тем сильнее повышал голос. – Только вот ты ни разу ещё не жаловался, когда моя запасливость и сделанный мной «мусор» спасали наши жизни в самые непредсказуемые моменты. Так может быть, ты заткнёшься, Таргет, и дашь мне ещё пару минут, чтобы я мог подготовиться к той ситуации, в которой мы оказались!

Брат не стал акцентировать внимание на том факте, что в этот раз мы оказались в подобной ситуации благодаря мне. И я решил тоже не лезть в бутылку. На самом деле, для нас уже давно привычны подобные повороты в жизни. Где бы мы ни оседали, нам всегда было понятно, что рано или поздно придётся сваливать. И лучше это сделать до того, как

Пустошь сядет тебе на хвост. Просто бессонная ночь и угнетающие истории от Дёртидила уже давили на нервы. Мы были на взводе, и наезжать друг на друга в такой ситуации было не лучшей идеей.

Молча наблюдать за сборами Хаммера было слишком нудно, и я не удержался от высказывания вслух других мыслей:

– А мне интересно, чего ты такого намешал в наши зелья год назад, что после них полудохлый неудачник стал неубиваемым мясником?

Мне пришлось выдержать ещё более мрачный и тяжёлый взгляд Хаммера. Я пожал плечами и попытался немного смягчить:

– А что? Я лишь проявляю любопытство. Ничего такого.

Поняв, что я не имею целью искать виноватых, Хаммер задумался и сам. Через минуту он неуверенно из себя выдавил:

– Если не путаю, тогда у меня получилась партия слишком сильно разбавленных зелий... А ты как раз подогнал целый ящик психо и баффаута очень хренового качества. Кажется, я добавил понемногу и того, и другого в лечебные зелья, чтобы от них был заметен хоть какой-то эффект.

– Психо и баффаута? – я аж поперхнулся. – Ты хоть предупреждай, когда мешаешь в зелья что-то кроме воды и подсластителей!

Я недовольно почесал царапину, которую демонстративно залечивал нашим зельем с утра, и мысленно зарёкся когда-либо впредь повторять подобные приёмы торговли.

– А, ну помню же! – начал вспоминать я. – Мне тогда практически за бесценку от Дёртидила перепала небольшая партия наркоты. Качество было такое ужасное, что с таким же эффектом можно было упарываться дерьмом брамина. Я, конечно, думал, что ты найдёшь им применение, но и представить не мог, что ими будут разбавлены лечебные зелья.

Задумчиво рассматривая потолок нашего убежища, я пытался припомнить того самого Бладрейджа, которому так неудачно продал зелья год назад. Но все попытки были тщетны – мало ли таких ущербных попадалось мне тогда.

– Дёртидил сказал, что этот придурок любил перед боем закинуться боевой наркотой. А ведь возможно я ему и тех самых психо с баффаутом в нагрузку отсыпал... – проговорил я вслух.

Мои мысли подытожил Трикстер:

– Итак, психо влияет на чувствительность к боли, а баффаут на тонус мышц. При передозировке и отходняке они пропорционально бьют в обратную сторону, по нервам и мышцам соответственно. У тех, что тогда достал Таргет, отрицательные последствия наверняка превышали положительные эффекты. И вот, пони сначала закидывается повышенной дозой этой гадости, а потом израненный заливает себя кучу зелий, с ослабленным лечебным эффектом, но зато содержащих дополнительную дозу той же паршивой наркоты. И что же происходит с его организмом после этого?

Вопрос Трикстера повис в воздухе. После него нам почему-то уже больше не хотелось ничего обсуждать. Мы мрачно замолчали и закончили собираться в тишине.

Собрав всё, что могли унести, мы покинули наше жилище. Выходя из подвала, Хаммер особым образом заклинил дверь, чтобы незнающему пони не удалось просто так её открыть. Также мы завалили и засыпали проход мелкими обломками, чтобы никому в голову не пришло, что там может быть что-то интересное. Не самый надежный способ, конечно, особо настырные мусорщики заберутся куда угодно. Но, по крайней мере, прошлый раз он нам помог, и за год сюда никто не добрался. Так что и сейчас есть шанс, что мы ещё вернёмся сюда, и это убежище снова нам послужит. Обычный пони никогда не знает, что готовит ему Пустошь, но умный пони будет готов ко всему.